

Баходур Эшонов —

специалист с большим опытом в области политики развития. В начале 1990-х годов работал в ряде правительственные учреждений Республики Узбекистан (Госплан, Министерство внешних экономических связей, Госкомпрогнозстат). В 1994 году стал координатором первого Национального доклада по человеческому развитию Программы развития ООН (ПРООН). Работая в системе ПРООН в Узбекистане, инициировал и реализовал ряд важных проектов, в том числе по подготовке национальной Среднесрочной стратегии повышения благосостояния. Под руководством Б. Эшонова также был создан один из самых известных аналитических институтов в Центральной Азии — Центр экономических исследований, ЦЭИ, (www.cer.uz), а также одно из наиболее авторитетных периодических изданий «Экономическое обозрение» (www.review.uz). В рамках ЦЭИ было подготовлено более 200 исследовательских докладов, охватывающих широкий круг вопросов развития, а также сформирована целая плеяда талантливых аналитиков.

ПЕРЕХОД ИЛИ ТРАНСФОРМАЦИЯ? СОЦИАЛЬНЫЕ И ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ СЕЛЬСКОГО РАЗВИТИЯ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ СТРАТЕГИИ РЕФОРМ В УЗБЕКИСТАНЕ

Переход от плана к рынку, ставший во-жделенной мечтой на излете 1980-х, оказался не таким быстрым и не таким простым, как многим казалось вначале. Более того, многие поступаты этого перехода, основанные на так называемом Вашингтонском консенсусе, сегодня, почти четверть века спустя, уже вовсе не считаются единственно верными. Рынки нельзя построить в одночасье, свободная торговля не всегда создает рабочие места, частная инициатива не обязательно означает лучшее качество и доступность, а открытость неокрепших финансовых систем делает национальные экономики крайне уязвимыми для внешних шоков.

Анализируя опыт реформ в Узбекистане, несомненно, нужно говорить о множестве факторов, которые предопределяли как выбор стратегии развития, так и инструментов ее реализации (которые тоже, кстати, не статичны, а изменяются и адаптируются на каждом этапе реформ)¹. Однако самое главное, говоря об Узбекистане, стоит говорить не

столько о переходе от плана к рынку, сколько о системной и последовательной трансформации экономики, общества, институтов, пространственного развития, увязанной в единую стратегию развития. Переход к рыночной экономике — это нечто большее, чем переход от централизованной плановой экономики к рыночной. Это не только экономическая трансформация, сколько трансформация социальная, охватывающая все измерения развития в их комплексности и взаимосвязанности. Соответственно компоненты и измерения развития не рассматриваются отдельно и статично, а именно в контексте динамики трансформации².

С 2000 года основной задачей социально-экономической политики государства является сохранение баланса между несколькими целями: с одной стороны — сокращением малообеспеченности и повышением уровня жизни населения, с другой — генерированием инвестиционных ресурсов для развития промышленности и модернизации инфраструктуры, ускорен-

ной структурной трансформации и формированием долгосрочного роста³.

Расходы на социальную сферу и социальную защиту в Узбекистане традиционно были очень высокими. За период с 2001 по 2013 годы, на фоне ускорения темпов экономического роста и увеличения общих расходов госбюджета, доля расходов на социальную сферу в структуре бюджета возрастила с 47,6 до 58,6%⁴. Важно отметить не только прямой социальный эффект таких обязательств государства, но и политэкономический и трансформационный эффект. Во-первых, социальные расходы — это налоги на реальный сектор экономики и, соответственно, ограничение ресурсов для инвестиций частного сектора. В отличие от быстрорастущих экономик Юго-Восточной Азии, где социальные расходы начали увеличиваться только в последние годы, после десятилетий ускоренного роста, Узбекистан (как, впрочем, и другие страны региона) поддерживал высокий уровень социальных расходов в бюджете.

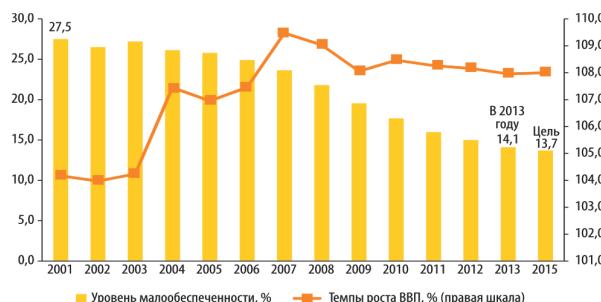
¹ См.также: McKinley, T. 2010. The Puzzling Success of Uzbekistan's Heterodox Development, No. 44, January 2010. London, Centre for Development Policy and Research. (размещено по адресу: <https://www.soas.ac.uk/cdpr/publications/dv/file56073.pdf>).

² См. также UNDP & ILO. 1995.

³ ПРООН, ЦЭИ. 2015.

⁴ Там же.

Уровень малообеспеченности сократился в 1,9 раза за 2001-2013гг

Рост среднедушевых доходов сопровождался снижением неравенства по доходам

Во-вторых, инвестиции в социальный сектор — это, по сути, инвестиции в человеческий капитал, в социальную трансформацию и в конечном итоге — в новое качество человеческого развития⁵. В-третьих, поддержание и увеличение расходов на образование и здравоохранение означают поддержание и увеличение занятости, в первую очередь женщин. Хотя зарплаты в так называемой бюджетной сфере, как правило, ниже, чем в других секторах, занятость в социальных секторах, а также в быстро растущей сфере услуг позволила сохранить уровень вовлеченности женщин в экономическую активность на фоне серьезного прессинга на рынке труда, связанного со структурными и институциональными изменениями и в промышленности, и в сельском хозяйстве.

В конечном итоге удалось не только снизить уровень малообеспеченности, но и не допустить серьезного расслоения по уровню доходов. Однако в средне- и долгосрочном плане решение вопроса поддержания и роста доходов населения, обеспечения их устойчивости, сокращения разрывов в уровне жизни между городом и селом, между женщинами и мужчинами, видится не столько в расширении программ соци-

альной поддержки, сколько в повышении доли занятых в перерабатывающих отраслях промышленности (в том числе отраслях агропромышленного комплекса⁶) и в опережающем развитии сферы услуг, особенно в сельских районах.

Это приобретает особую актуальность с учетом происходящей и ожидаемой трансформации демографической структуры — резкого роста численности трудоспособного населения (особенно на селе), роста числа пенсионеров и соответствующего изменения спроса на социальные услуги. Программы социальной поддержки, какими бы щедрыми они ни были, не смогут решать в перспективе вопросы роста доходов населения без того, чтобы создавались продуктивные рабочие места как для женщин, так и для мужчин в формальном секторе.

Узбекистан проводит активную промышленную политику, направленную на мобилизацию инвестиций, обеспечение устойчивых высоких темпов экономического роста и смещение акцентов от производства сырья до готовой продукции с более высокой добавленной стоимостью⁷. К середине 2000-х годов, на фоне улучшения условий торговли, доля инвестиций была доведена до 25% к ВВП. Это позволи-

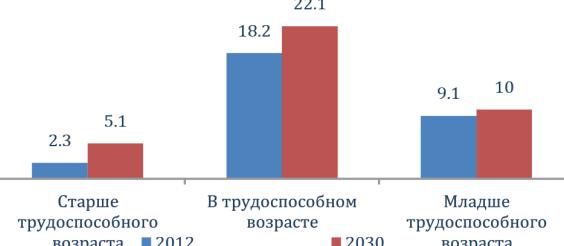
ло кардинально изменить структуру экономики⁸. Доля сельского хозяйства в ВВП сократилась с 35% в конце 1990-х до менее чем 20% к 2010 году. Более того, предполагается, что доля сельского хозяйства как в ВВП, так и в занятости будет и дальше сокращаться за счет увеличения доли промышленности и услуг.

Изменяющаяся структура сельскохозяйственного производства с растущей долей плодов, овощей, масличных культур, внедрение новых агротехнологий, формирование новых современных сбытовых цепочек и цепочек добавленной стоимости предполагает и изменение в структуре сельскохозяйственных предприятий. Узбекистан отказался как от крупных кооперативных сельхозпредприятий, созданных на базе советских колхозов, так и от дробления на мелкие наделы⁹. Приоритетом скорее был и остается поиск оптимального размера наделов, обеспечивающего «экономию масштаба» и повышение производительности сельскохозяйственных предприятий, стимулирование межотраслевой кооперации, в рамках которой сельское хозяйство не только является поставщиком сельскохозяйственных товаров, но предъявляет новое качество спроса

Инвестиции к ВВП, %

Численность населения в трудоспособном возрасте значительно увеличится к 2030 году

⁵ Яркой иллюстрацией инвестиций в изменения стереотипов могут являться усилия по приобщению девочек к спорту. Это целый комплекс мер от предоставления бесплатно девочкам спортивной формы до подготовки женщин-тренеров. Как результат — «сегодня 47 процентов девочек, в сельской местности — 44,7 процента, регулярно занимаются спортом» (<http://www.press-service.uz/ru/news/5230/>).

⁶ См. к примеру: Пищевая промышленность Узбекистана увеличит экспорт в два раза к 2020 г., Предприятия пищевой промышленности Узбекистана производят более 3 тыс. наименований продуктов питания.

⁷ UNECA. 2016.

⁸ См. также: Popov, V. & Chowdhury, A. 2016.

⁹ Вопрос размера земельных наделов активно обсуждался в рамках подготовки исследования «Макроэкономическая политика и бедность в Узбекистане», ПРООН, ЦЭИ, 2005 и по-прежнему остается предметом дискуссий.

к национальной промышленности, к сфере услуг, к НИОКР¹⁰.

Развитие малого бизнеса и частного предпринимательства (наряду с инвестициями в социальную сферу, где традиционно высока доля занятости женщин) позволило повысить уровень занятости женщин.

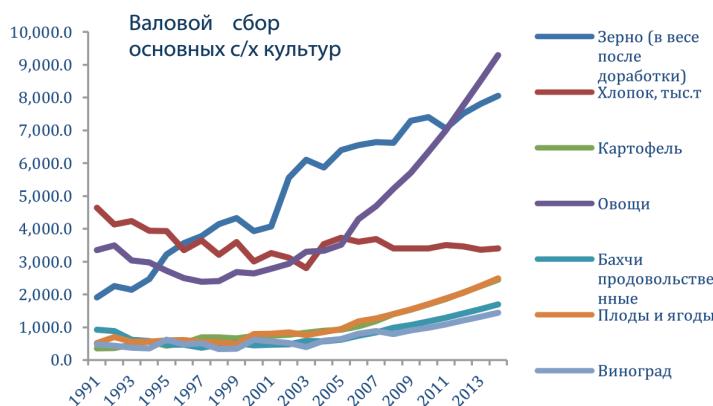
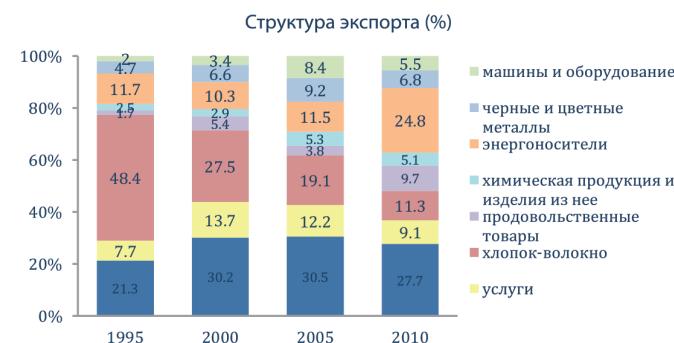
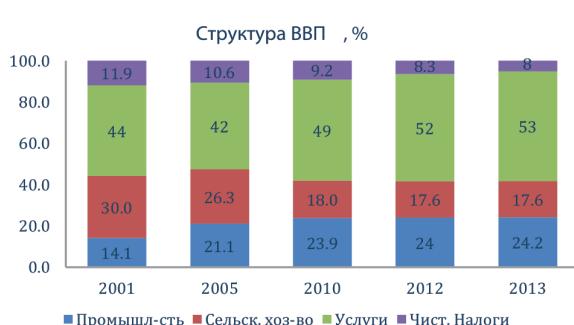
За период с 2000 до 2013 годы доля женщин в структуре занятости возросла с 44 до 45,7%. При этом в 2012 году руководителями 40,4% малых предприятий и 13% микропредприятий¹¹ являлись женщины. Вместе с тем, хотя в 2008 году женщины составляли более половины работников

сельскохозяйственного сектора (52,6%), из 235 000 зарегистрированных фермерских хозяйств только 17 000 (7,2%) возглавлялись женщинами¹².

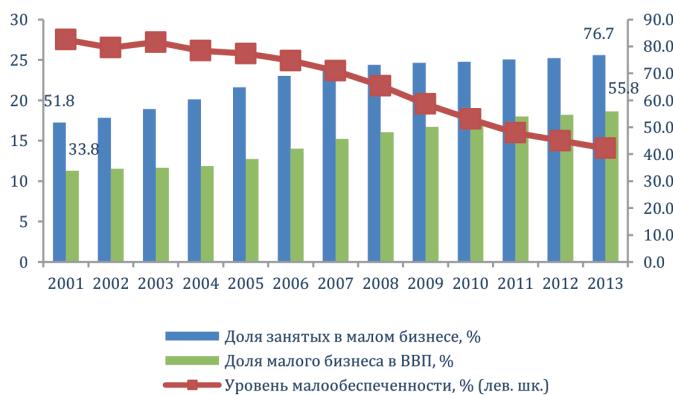
При общем сокращении занятости в сельском хозяйстве, доля женщин сокращается быстрее. Если в 2005 году 32% всех работающих женщин и 26,4% работающих мужчин были заняты в сельском хозяйстве, то к 2010 году доля женщин сократилась уже до 28,5%, а мужчин — до 25,5%¹³.

Расширение возможностей женщин в сельской местности связано, как бы парадоксально это ни звучало, с вытеснением

женщин из непосредственно сельскохозяйственного производства и предоставления больших возможностей для занятости в перерабатывающих отраслях промышленности и в сфере услуг. Все это крайне необходимо для обеспечения сельскохозяйственного развития и продовольственной безопасности¹⁴. Что еще более важно, эти структурные изменения — формы собственности и структура ВВП (в частности, в сельскохозяйственном секторе) — генерируют соответствующие положительные эффекты умножения, идущие далеко за пределы чистой экономики.

Развитие малого бизнеса и частного предпринимательства

Доля малого бизнеса по секторам (%)

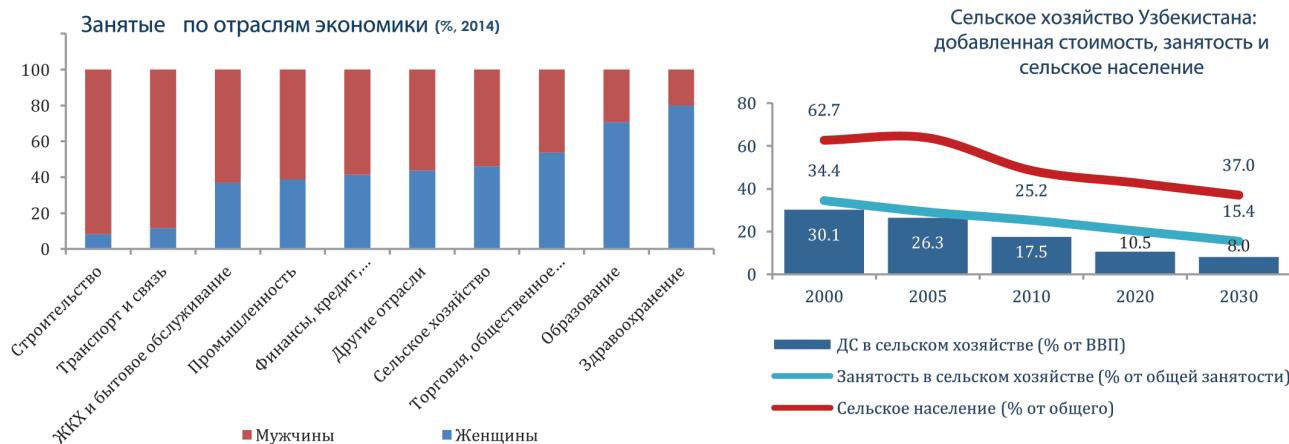
¹⁰ НИОКР — научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. Ярким примером стимулирования связи науки и производства являются ежегодные Ярмарки инноваций. См. к примеру: «Узбекистан намерен запустить перезагрузку в области разработок и инноваций».

¹¹ ПРООН, ЦЭИ. 2015.

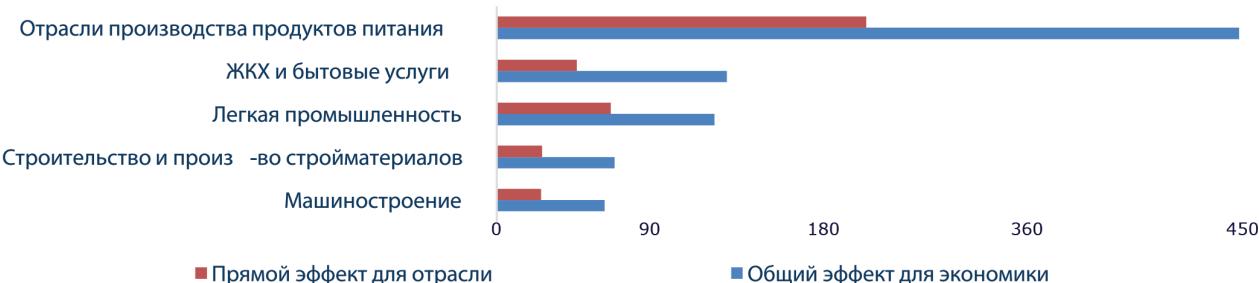
¹² АБР. 2014.

¹³ Там же.

¹⁴ ФАО. 2011.

Мультиплицирующие эффекты потребительских расходов среднего класса для отдельных отраслей и экономики в целом, млрд. долл. (нарастающим итогом за период 2015 - 2030 гг.)

Не существует «готового рецепта» решения вопросов гендерного равенства в сельском хозяйстве, но некоторые принципы универсальны, а из передового опыта можно извлечь многочисленные уроки¹⁵.

Такой опыт в Узбекистане включает комплекс институтов и адресных программ, нацеленных на i) устранение гендерного неравенства в сфере образования, ii) устранение гендерного неравенства в сфере занятости, iii) обеспечение равных возможностей для женщин и мужчин в процессе принятия решений¹⁶.

Однако результативность этих программ и в конечном итоге положение женщин (как, впрочем, и мужчин), как сельских, так и городских, зависит не только от наличия или отсутствия каких-то адресных программ, сколько от того, насколько эффективно и гармонично эти программы интегрированы в общую логику и динамику трансформаций, связанных с изменением структуры экономики и паттерна реального сектора, переформатированием пространственной структуры с новыми полюсами роста, в конечном итоге трансформацией структуры социума,

вплоть до поведенческих стереотипов¹⁷. Расширение возможностей для женщин на селе очень сильно связано с темпами и качеством процессов индустриализации и урбанизации¹⁸. Занятость сельских женщин в перерабатывающих отраслях и в сфере услуг — это не только стабильная занятость, не только более высокие и устойчивые доходы, это не только мультипликативные эффекты, связанные со спросом на промышленную продукцию. Самое главное — это новое качество представленности женщин на рынке труда, новый статус женщин, возросший уровень образования, социализации, в конечном итоге — новые возможности для реализации потенциала человеческого развития.

Список литературы

1. Азиатский Банк Развития. 2014. Гендерная оценка по стране. Ташкент. Узбекистан. (размещено по адресу: <http://www.adb.org/ru/documents/uzbekistan-country-gender-assessment-2014>).
2. ФАО. 2011. Женщины в сельском хозяйстве: устранение гендерного неравенства в
3. McKinley, T. 2010. *The Puzzling Success of Uzbekistan's Heterodox Development*, No. 44, January 2010. London, Centre for Development Policy and Research. (размещено по адресу: <https://www.soas.ac.uk/cdpr/publications/dv/file56073.pdf>).
4. Popov, V. & Chowdhury, A. 2016. *What can Uzbekistan tell us about industrial policy that we did not already know?* DESA Working Paper No. 147, February 2016. (размещено по адресу: http://www.un.org/esa/desa/papers/2016/wp147_2016.pdf).
5. ПРООН, ЦЭИ. 2005. *Макроэкономическая политика и бедность в Узбекистане*. Ташкент. (размещено по адресу: http://www.cer.uz/upload/iblock/e22/lmprr_ru.pdf).
6. ПРООН, ЦЭИ. 2015. *Доклад по Целям развития тысячелетия*. Узбекистан-2015. Ташкент. (размещено по адресу: http://www.cer.uz/upload/iblock/ad0/mdg_ru_13_04.pdf).
7. UNDP & ILO. 1996. *Social policy and economic transformation in Uzbekistan*. (Неопубликованный документ).
8. UNECA. 2016. *Transformative Industrial Policy for Africa*.

целях развития. (размещено по адресу: <http://www.fao.org/3/a-i2050r.pdf>).

¹⁵ Там же.

¹⁶ ПРООН, ЦЭИ. 2015.

¹⁷ Интерес в этой связи представляет исследование ЦЭИ «Совершенствование социальной политики для экономической трансформации и социальной устойчивости», в рамках которого затрагиваются вопросы изменения социального контракта. Размещено по адресу: http://www.cer.uz/upload/iblock/a21/lqhhyljt_fmjj_4_xkqoclbhkjxb_rus.pdf

¹⁸ См. также: "Urbanization and Rural Transformation. Implications for Food Security and Nutrition. Online consultations on the background document to the CFS Forum". FAO & CFS. 2016.